

ВЛАДИМИР ЛЕГОЙДА:

«Все мои хобби стали моими профессиями»

В августе 2023 года отметил свой 50-летний юбилей Владимир Романович Легойда — председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ, и. о. руководителя пресс-службы Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, главный редактор журнала «Фома», телеведущий, профессор МГИМО. «Журналу Московской Патриархии» Владимир Романович рассказал о своем становлении и воцерковлении, деятельности Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ, журналистской работе и о людях, которые окружают его в жизни.

Родители

Прежде всего — о родителях, поскольку именно родители закладывают основы будущего становления. Ваш отец был милиционер, мама учительница, и эти должности в советском обществе обязывали людей быть образцами атеизма. Но крещены вы с детства. Знали ли в школе, что вы крещеный?

Меня крестили в семь месяцев. Родители, Роман Тимофеевич и Галина Максимовна, были родом из деревни, и крещение было частью культуры, в которой они выросли. Сознательными верующими они тогда не были. К тому же я долгожданный ребенок, поздний, как и сестра. До моего рождения родители прожили вместе 16 лет. Сестра на полтора года младше меня.

Крестили меня не в городе Кустанае, где мы жили, а в деревне и под другой фамилией, потому что, если бы узнали, что папа, офицер МВД, крестил ребенка, у него были бы проблемы.

У меня были верующая бабушка — мамина мама, которая с нами жила, и верующие бабушка и дедушка, к которым каждое лето многие годы мы ездили на Украину.

Путь моего поколения в Церковь начался с празднования 1000-летия Крещения Руси. Потом были русская литература, русская религиозная философия. Обычная история тех, кому сегодня 40–50 лет. И наше поколение часто либо привело, либо вернуло родителей в Церковь. Нередко через споры, конфликты.

Как это было в вашей семье?

Через споры. Родители сначала не понимали нас: сестра начала носить юбку в пол, платок. Я, правда, в косоворотке и сапогах не ходил, но сильно «ушел в религию». Тогда я учился в МГИМО. Но поскольку довоенное детство родителей проходило в религиозной среде, они впоследствии довольно органично к вере вернулись и в почтенном возрасте даже венчались.

Владимир Романович Легойда, церковный и общественный деятель, журналист, педагог, специалист в области культурологии, политологии и религиоведения, кандидат политических наук, профессор кафедры международной журналистики, профессор кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Фома», председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Московского Патриархата. Родился 8 августа 1973 г. в г. Кустанай (Казахстан). В 1990 г. окончил кустанайскую среднюю школу № 10. В 1996 г. окончил Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, факультет международной информации. В 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук. В 2005 г. ВАК присвоено ученое звание доцента. В 2013 г. заочно окончил Нижегородскую духовную семинарию. Женат, воспитывает двух дочерей и сына. Автор многочисленных научных и научно-популярных статей на общекультурные и религиозно-философские темы. Награжден церковными наградами: Золотым крестом апостола Павла (Элладская Православная Церковь), орденом святого Саввы (III степени) (Сербская Православная Церковь), орденом благоверного князя Даниила Московского (III степени), орденом равноапостольного князя Владимира (III степени), орденом преподобного Серафима Саровского (III степени), орденом преподобного Сергия Радонежского (III степени), знаком «Пастырь добрый» (Синодальный отдел по делам молодежи Русской Православной Церкви); а также государственными и общественными наградами: орденом Александра Невского, орденом Дружбы, почетным знаком памяти А. А. Дмитриевского (Императорское православное палестинское общество).

Мы недавно поздравляли их с 65-летием совместной жизни. Сказочная цифра по нынешним временам.

В МГИМО вы поступили только со второго раза и несколько месяцев после первой попытки работали на скорой помощи. Это было ваше первое знакомство со смертью? Каково было столкнуться с ней лицом к лицу?

Моя сестра отработала несколько лет в Институте Склифосовского на скорой помощи. И она все время надо мной смеется: «Три месяца работал, тридцать лет рассказываешь». Имеет право, хотя какие-то ощущения у нас совпадают.

Я работал санитаром, то есть носил чемоданчик врача и носилки. Работал несколько месяцев на главной станции скорой помощи нашего маленького городка, в реанимационной бригаде. Один из месяцев наша бригада выполняла функции кардиологической и реанимационной. В этот период у нас было до шести смертей в день. Стандартный вызов, на который наша первая бригада выезжала, звучал так: «Упал, не дышит». Не температура, давление или отравление, как на обычной скорой. Я знал, что такое дефибрилятор, по фильмам, но никогда не видел вблизи, а тут увидел все, вплоть до запаха, который исходит от обожженного человеческого тела.

Вообще после неудачного поступления у меня было два варианта. Папа сказал: «Можешь пойти сторожем в прокуратуру или санитаром на скорую помощь. В первом случае сидишь, читаешь книжки; во втором — бегаешь с носилками». Книжки я и так читал, поэтому пошел «посмотреть жизнь». И не пожалел. Для меня, домашнего мальчика, это было настоящее прозрение. Мы жили в благоустроенной квартире в обычном стандартном доме. Я знал, что у нас в городе есть землянки, но я никогда там не был. И друзей, которые жили в землянках, у меня не было. А на вызовах я увидел, что это такое. Были вызовы и к освобожденным заключенным, которые болели туберкулезом. Одним словом, даже в масштабах нашего трехсоттысячного на тот момент города я убедился в том, что люди живут по-разному.

Это был небольшой по продолжительности, но очень важный жизненный опыт. Он касался вопросов предела жизни, и хотя тогда у меня не было выраженной религиозной рефлексии, но я напрямую столкнулся с главным вопросом, на который отвечает каждая религия, вопро-

сом о смерти. Можно триста раз сказать слово «смерть», а можно один раз побывать у постели умирающего человека. Получить такой реальный опыт для меня, юноши, было необычайно полезно.

Был и другой опыт, тоже ценный: в то время я прочитал «Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого и «Раковый корпус» А. И. Солженицына.

Наставники

Учась в МГИМО, вы поехали по обмену в Америку. Там, в маленьком провинциальном городе Чико, вы встретились с Православием — братством отца Серафима (Роуза), отцом Германом (Подмошенским). Читали раньше отца Серафима? Почему вы поверили этим отцам?

Я был на третьем курсе МГИМО, когда поехал в Америку. Отца Серафима (Роуза) я, конечно же, читал. В начале 1990-х годов, в отличие от сегодняшней ситуации, православных книг издавалось не так много, и большая часть из них была репринтом дореволюционных изданий. А среди современных авторов (отец Серафим умер в 1982 году, то есть был нашим современником) отец Серафим был, пожалуй, одним из самых известных. Я читал две его книги, которые были переведены на русский язык, — «Православие и религия будущего» и «Душа после смерти».

Когда я находился в Штатах, иеромонах Дамаскин (Кристенсен) из Братства преподобного Германа Аляскинского написал книгу об отце Серафиме «Не от мира сего. Жизнь и учение отца Серафима (Роуза)». Огромный том. Здесь, в России, мы его переводили и издавали, когда я работал в Валаамском обществе Америки. Тогда я для себя сформулировал, что из всего печатного наследия отца Серафима (Роуза) самым ценным является... книга о нем. Это биография, рассказ о становлении православного верующего американца через религиозно-философский поиск. Знаю, что было и есть много дискуссий, разговоров о непростом пути отца Серафима (Роуза), отца Германа (Подмошенского), но я безмерно благодарен за свой американский опыт отцу Серафиму и отцу Герману, которого считаю одним из трех главных учителей в своей жизни, учителем юношеского периода.

Отец Герман был собратом отца Серафима, вместе они получили благословение святителя Иоанна (Максимовича), архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского, и вместе пошли в лес в Северной Калифорнии. В этом монастыре в Платине, где я бывал много раз, несмотря на то что он тогда уже разросся, сохранились принципы основателей: не было электричества, водопровода. Аскетизм в монастырях в России

На встрече Святейшего Патриарха Кирилла с представителем федеральных телеканалов 2011 г.

С генеральным директором телеканала «Спас» Борисом Корчевниковым и теле- и радиоведущим Константином Мацаном

в то время нередко был вынужденным, а в Америке — осозанным. Когда их монастырь только зарождался, одна монахиня — Бригитта — просто вырыла себе келью в пещере и жила в ней. Знакомство с этим опытом было для меня сильной встряской, что уж говорить про американцев.

Какой главный урок вы вынесли после общения с братством отца Серафима?

Парадоксальный урок. Если вы прочтаете книги отца Серафима, то может создаться образ сурового, безапелляционного, не допускающего разномыслия человека. Конечно, есть книги других авторов XX века, которые внесли в православное богословие намного больший вклад, чем публикации отца Серафима. И он сам никогда не относился к своим книгам как к богословскому достижению: он писал исключительно по послушанию. Надо написать на эту тему? Он садился и писал статью или книгу. Но его путь — путь человека, который в конце XX века если не в бездуховной, безрелигиозной, то точно неправославной Америке пришел к Православию. В этом и есть главная ценность наследия отца Серафима (Роуза).

Образ отца Серафима, который у меня сложился на основе его книг, значительно отличался от того образа, который я увидел в его общине, в общении с людьми. Я понял, что этот человек относился к другим с пастырской любовью, с пониманием их ситуаций. Именно там, в общине отца Серафима, я впервые услышал фразу, что до того, как обожиться, надо очеловечиться. Тогда же я осознал значение культуры для «очеловечивания».

Ваша кандидатская диссертация посвящена символам и ритуалам в политических

процессах в США и феномену «гражданской религии». Почему вы выбрали такую тему?

В рамках обучения у меня был курс, связанный с социологией религии. Я учился в California State University, он входит в систему государственных вузов. А есть частный знаменитый вуз University of California, с главным кампусом в Беркли. Это престижный частный университет. Тогда его почетным профессором был Роберт Нилли Белла — известный социолог религии, который в 1960-е годы предложил концепцию гражданской религии. Я, находясь в Америке, узнал о его концепции, вступил с ним в переписку и даже с подсказки моего учителя, Юрия Павловича Вяземского, включил в диссертацию цитаты Беллы со ссылками на личную переписку (5–6 писем).

Для меня было важно, чтобы моя тема вошла в проблемную область МГИМО, то есть имела международную составляющую, подходила под мой профиль обучения — американистику и была связана с религией. На нашем профиле был весь блок страноведческих дисциплин по США: мы изучали историю США, конституционное право США и другие профильные предметы. В этом смысле по образованию я американист. Профессионально как американист я сейчас дисквалифицировался, потому что с момента защиты диссертации Штатами не занимался, только спорадически.

А концепция гражданской религии, которая находится на стыке различных сфер жизни, отвечала моему запросу на изучение веры. Это не религия в чистом виде, в моей классификации это скорее квазирелигия. Сам Белла называет это религиозным измерением. В своей первой статье «Гражданская религия в Америке» он говорит, что это religious dimension, религиозное измерение общественно-политической жизни. Моя работа по гражданской религии 2000 года была одной из первых, а может, и первой кандидатской диссертацией в России по этой теме.

Друзья

Журнал «Фома» стал вашей первой пробой в большой журналистике, и на данный момент это один из самых успешных журналистских проектов. С этого начался фактически ваш путь в журналистике. Когда отец Герман (Подмошенский) в Америке благословил вас

на издание журнала, как вы сформулировали основные принципы православной журналистики?

Мы в США выпускали журнал для панков, и, когда я уезжал в Москву, отец Герман сказал: «Тебе надо выпускать в Москве православный журнал». — «Какой журнал? Как я буду выпускать?» — «Вот тебе Господь дал голову — пора научиться ею пользоваться». И я вернулся в Москву с благословением и без понимания принципов православной журналистики. Принципы журнала «Фома» были сформулированы Владимиром Гурболиковым, моим старшим другом и наставником в профессии.

Мы познакомились, когда я уже оканчивал институт. Мой однокурсник и крестник Алексей Захаров знал, что я приехал с благословением, ищу возможность издавать журнал. Сначала мы пытались издавать журнал с Владиславом Томачинским, ныне архимандритом Симеоном, но как-то вовремя поняли, что мыслим немного по-разному, поэтому вместо одного плохого издания, которое могло получиться, вышло два хороших: Томачинский запустил «Татьянин день», а мы сделали «Фому». Леша тогда принес статью, которую Гурболиков написал в профсоюзной газете «Солидарность», где он в то время работал. Она называлась «Эра недоверия, или Место встречи изменить нельзя». Это была за-

мечательная апологетическая статья в светском издании, в которой хорошим русским языком образно, аргументированно говорилось о вере.

Леша познакомил нас в храме апостола Иоанна Богослова. Мы поговорили пять минут и поняли, что будем вместе выпускать журнал. Так начался этот длинный путь.

Главным нервом раннего «Фомы» было свидетельство о приходе к вере, живое свидетельство человека, пережившего то, что митрополит Сурожский Антоний называл встречей с Богом.

В позднем «Фоме» что-то изменилось?

Да, конечно. На сегодняшний день ранний «Фома» выглядит, при всей его искренности, чем-то достаточно беспомощным. Поздний «Фома» — это, во-первых, мощная культурная составляющая. Мы сохранили человеческую интонацию и обогатили журнал катехизическими, просветительскими и культурно значимыми материалами. Менялась аудитория: кто-то приходил, кто-то уходил, кто-то рос вместе с нами. Менялись и мы, выросли...

Сегодня «Фома» — это медиахолдинг в миниатюре: развитые и самостоятельные социальные сети, интернет-ресурсы, видеопроекты. Это все появилось не сразу: долгое время у нас мало что получалось, кроме журнала. Нынешняя команда: Николай Шешин, Алексей Соколов,

Круглый стол «Церковно-государственное сотрудничество в сфере защиты традиционных ценностей» в рамках Международного фестиваля «Вера и слово», 2023 г.

Выписка из роддома. На руках новорожденный сын Роман. Фото из личного архива В. Р. Легойды (слева)

Марина Журиная, Владимир Гурболиков, Владимир Легойда в редакции журнала «Фома», 2006 г. (справа)

Арсений Русак, Глафира Базурина и все, кто работает в «Фоме», — это люди, которые могут делать «Фому» самостоятельно и без нас, отцов-основателей. Они делают качественные, серьезные материалы разного формата.

Я знаю, что если завтра меня не станет, то «Фома» будет продолжать выходить. В 1990-е годы мы вполне оправданно переживали, что нет профессионалов. Сегодня наши эксперты в области видео, подкастов спокойно могут давать мастер-классы, проводить тренинги. Их можно отнести к наиболее грамотным специалистам страны в своих областях.

Кто еще повлиял на вас и вашу деятельность?

Володя Гурболиков встречался несколько раз с отцом Димитрием Дудко. У Володи была гениальная журналистская задумка, но, как мы потом поняли, совершенно нереализуемая. Он хотел, чтобы каждый номер заканчивался оглачительным словом к готовящемуся креститься. То есть мы наивно полагали, что идет человек по улице, видит журнал «Фома» — ничего не знает ни про христианство, ни про веру. Открывает журнал и в процессе чтения понимает, что должен креститься, поэтому в конце — оглачительное слово. Насколько же мы были уверены в своих силах, полагая, будто человек, прочитавший «Фому», не может не креститься! Отец Димитрий дал нам очень важный совет: «Зачем вам быть морем? Попробуйте быть хотя бы одной маленькой волной». Это поставило мозги на место.

Большое влияние на судьбу журнала и лично на меня оказал протоиерей Игорь Фомин. Конечно, у «Фомы» духовник — Фомин. Отец Игорь много раз спасал меня в жизни.

Семья

В редакции журнала «Фома» вы встретили будущую супругу. Ваша семья глубоко почитает священномученика Романа (Медведя), в его честь вы назвали сына. С чем связано это почитание?

Моя жена много лет ходила в храм Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе, где настоятель - протоиерей Владимир Ригин, а ее духовником является клирик этого храма архимандрит Дамаскин (Орловский). Мало кто в нашей Церкви сделал для прославления новомучеников и исповедников столько, сколько сделал он. Наша семья глубоко его почитает и любит. Настя слушала его проповеди, читала книги и писала материалы для «Фомы» и портала «Православие.ру» об опыте новомучеников. Кроме того, мощи священноисповедника Романа (Медведя) находятся в храме на Лыщиковой горе. Через Настю я познакомился с отцом Дамаскином, который написал житие отца Романа. И потом так неожиданно получилось, что я сделал Насте предложение в день его памяти, о чем я не знал. Для христиан случайностей нет, поэтому сына мы назвали в его честь.

Что в житии отца Романа произвело на вас наибольшее впечатление?

У него есть фраза, которую я часто вспоминаю. В годы своего служения отец Роман

занимался разными видами деятельности: и с обществом трезвости работал, и был военным священником. И блистательно совершенно сформулировал задачу пастыря — так воспитать душу человека, чтобы он мог самостоятельно предстать пред Богом и самостоятельно выбирать добро. Мне кажется, это квинтэссенция пастырского служения. То есть без всяких «ба-тюшка, благословите это, то, чихнуть, поехать в лавру, купить авторучку». Задача духовника в том, чтобы человек не перекаладывал на пастыря свою ответственность, свой нравственный выбор.

Студенты

Как вы совмещаете церковную деятельность с преподаванием?

Это можно описать обязывающим словом «счастье»: милостью Божией я никогда в жизни не занимался тем, что мне неинтересно. Послушание председателя синодального отдела — единственное из моих профессиональных занятий, к которому меня призвали, в остальном я проявлял инициативу сам. Когда-то сам решил остаться в институте, поступил в аспирантуру, начал преподавать. С друзьями мы вместе придумали журнал. Вместе с Первым каналом и «Спасом» разработали две программы.

У меня есть добрые знакомые, которые живут одним, работают в совершенно другой сфере, а то, что их радует, вдохновляет, находится в области хобби. У меня увлечений, хобби нет. Ужасно, ужасно скучный человек! Все мои хобби являются моими профессиями. Дети смеются: я смотрю фильмы на английском языке и выписываю незнакомые выражения. «Папа, ты же уже выучил английский!» — «Да, а вот это выражение я не встречал». Записываю себе в телефон или книжечку новый оборот. Все время учусь, потому что читаю книги на английском по специальности для лекций и веду в МГИМО на английском курс «Введение в русскую культуру и русскую идентичность».

Коллеги

В 2009 году вас пригласили на встречу к Святейшему Патриарху Кириллу, после чего вы начали отвечать за взаимодействие Церкви со СМИ, стали лицом Церкви в области информации. Вы неоднократно говорили

о словах Святейшего, сказанных вам в первые недели работы: говорить «с чувством высочайшей ответственности за каждое сказанное слово». Что вам дается в вашей работе тяжелее всего?

Встречающееся порой отсутствие взаимопомощи между своими, внутри Церкви. У Л. Н. Толстого есть такое выражение: «Если сила плохих людей в том, что они вместе, то хорошим людям, чтобы стать силой, надо сделать то же самое». Поскольку мы себя привычно относим к людям хорошим, будучи, так сказать, светлыми паладинами Господа, то мы рассчитываем на то, что должны работать вместе. Это сердца моего боль непрекращающаяся, не дадут соврать мои коллеги: всякий раз, когда мы встречаемся все вместе на Международном фестивале православных СМИ «Вера и слово», я говорю, что надо поддерживать друг друга. Но это почему-то очень сложно реализовать. Нельзя сказать, что этого нет, ни в коем случае. Если бы взаимопомощь и взаимная поддержка были больше, наша общая работа шла бы качественнее и быстрее.

Я никогда не критикую тех, кто делает общее дело. Могу с кем-то не соглашаться, сегодня в первую очередь с интернет-миссионерами в сане. Но если человек трудится, мы обязаны иметь снисхождение, потому что человек ходит по минному полю.

Довольно сложно было свыкнуться с пониманием того, что у любого бюрократа есть довольно большой объем ежедневной работы, который не может быть не сделан, его надо сделать обязательно, причем сегодня. Однако хорошая бюрократия очень важна, я слово «бюрократ» не считаю ругательным. Констатация факта: хорошая бюрократия — это очень много. Думаю, что по своей натуре я не бюрократ, хотя работаю уже четырнадцать лет. У нас в отделе один из самых больших документооборотов среди синодальных учреждений.

В эту работу входят также некоторые публичные обязанности, не очень интересные и не имеющие стратегического значения: обязательные комментарии, ответы на публикации и т. п. Стандартный пример — любая пресс-конференция, связанная с событием. Мне всегда интереснее поговорить о философии этого события, будь это Рождественские чтения или

День Крещения Руси. Но на пресс-конференции мы понимаем, что коллег будет интересовать не философия, а сколько будет человек, принесут ли мощи святого и прочие подобные вопросы. Это все неизбежно, правильно, в этом нет ничего плохого.

В должности председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ какими вы видите свои главные задачи в служении Церкви?

Во-первых, это те цели и задачи, которые ставит перед нами священноначалие, Святейший Патриарх Кирилл и Священный Синод нашей Церкви. С 2015 года в отделе три больших направления: взаимодействие со СМИ, общественными организациями и с государством. Говоря современной светской терминологией, это GR (government relations) и PR (public relations). Некоторые специалисты считают, что эти направления не должны объединяться, но у нас они вполне органично сосуществуют. Отдельная важнейшая задача — подготовка информационно-аналитических материалов для Святейшего Патриарха, анализ происходящего в инфополе и подготовка справок под события.

В области взаимоотношений с государством мы контролируем доведение до реализации инициатив и договоренностей, согласованных Святейшим Патриархом и руководством страны. Мы не единственное синодальное уч-

реждение, которое работает с государством, но мы один из основных партнеров по наиболее общим вопросам. Мы взаимодействуем прежде всего с Правительством РФ и Администрацией Президента, Советом Федерации и Государственной Думой.

В информационной деятельности наша задача заключается в том, чтобы голос Церкви был слышен и был представлен адекватно. Для реализации этой задачи мы анализируем информационное пространство, формируем предложение, выстраиваем информационную стратегию, создаем единое церковное информационное поле, обеспечиваем звучание голоса Церкви. Демифологизируем представления о Церкви в бытовом значении слова «миф» — как ложь, неправда.

Журналистика и PR

Вы начинали как журналист (редактор) в журнале «Фома», а теперь возглавляете Отдел по взаимоотношениям с обществом и СМИ, что на английском называется public relations, то есть пиар (PR). Вы соотносите свою деятельность с PR? Обычно журналистика и PR несовместимы, потому что журналистика стремится быть объективной, а PR всегда работает на заказчика.

Это стереотип. Пиар родился из журналистики. Сама формулировка public relations

родилась в США, а первыми пиарщиками были журналисты. Это были люди, которые перешли на противоположную сторону, встали не с микрофоном, а у микрофона. Стереотип сформировался потому, что получается так: журналист — это почти ученый, а пиарщик — чуть ли не обманщик, который должен своего работодателя представить в лучшем свете, чем он есть на самом деле. И то и другое не соответствует действительности. У журналистов всегда есть редакционная политика, в которой обозначены приоритетные и запретные темы. Научная объективность в журналистике невозможна, потому что объективное — значит не зависящее от индивидуального сознания. Есть пределы объективности в журналистике. Но журналист не имеет права на ложь. Если есть разные мнения по вопросу, то он должен все эти мнения представить и не склонять читателя, зрителя, слушателя к одному из них, которое ему лично нравится больше. Такой журналистики практически не существует, зато есть искусство подачи материала, формулирования вопроса, интонации.

У пиарщика есть базовые заповеди, одна из них абсолютно совпадает с заповедью журналиста — нельзя врать. Вот пример пиара в критической ситуации: вы возглавляете службу по связям с общественностью шахты; шахту завалило, погибли шахтеры. Вы не можете сказать: «пока неизвестно», «непонятно», «нет данных». Есть задача переключения внимания людей на то, что оказывается помощь пострадавшим и семьям пострадавших. Но если она не оказывается — вы не можете об этом говорить.

Пиар не может нарисовать идеальную деревню при отсутствии в ней зданий. Хороший пиар — он о другом. Если строитель построил классное здание и поселил в нем бездомных, а об этом, кроме соседей по его лестничной площадке, никто не знает, пиар нужен, чтобы рассказать о том, как люди с большим сердцем отдают себя другим людям, призвать других подражать достойному примеру.

Синодальный благотворительный отдел много рассказывает сейчас об этом.

И все время преткнется: можно ли говорить? Можно и нужно! Потому что целью такого рассказа является не восхваление тех, кто это

сделал, а призыв ко всем другим: откликнитесь, сделайте что-то подобное!

Хорошая журналистика и пиар в действительности смыкаются. Я всегда говорю коллегам: одна из профессиональных задач пресс-секретаря — стать другом журналисту. Задача в том, чтобы, подружившись с журналистами, призвать их рассказать о добрых и правильных делах, чтобы мир стал хотя бы чуть-чуть лучше.

Патриарх

Четырнадцать лет вы работаете вместе со Святейшим Патриархом Кириллом. Какие главные уроки вы извлекли за годы совместной работы?

Я бесконечно благодарен Святейшему Патриарху Кириллу за то, что, находясь рядом с ним, узнал много нового и важного. Как преподаватель, работающий с устным словом, я восхищаюсь риторическим даром Предстоятеля. В современном мире я не знаю раторов, сомасштабных Патриарху. Любую проповедь Святейшего можно разбирать, по ней можно учиться гомилетике и публичным выступлениям. Понимаю, насколько это сложно и какой это огромный дар и колоссальный труд.

Меня потрясает, что у Патриарха вообще нет формата праздного времяпрепровождения. Он очень продуктивно живет даже в ситуациях, которые обычно предполагают расслабленность. Допустим, визит, трапеза, обычные приветственные и благодарственные слова. Когда Святейшего просят сказать слово, он всегда говорит содержательные вещи, может быть, даже не всегда приятные. Что-то важное, что его или кого-то из присутствующих беспокоит. Может выразить озабоченность: здесь важно построить храм или есть люди, которым надо помочь... Протокольное мероприятие наполняется глубоким содержанием.

Это большой урок для меня: ему всегда колоссально интересно, он всегда, в любой ситуации выносит для себя пользу. Пользу получают и люди, которые рядом с ним находятся, потому что все события рядом с ним проходят осмысленно, глубоко, важно, интересно и с теплотой к каждому человеку.

Беседовал Александр Черепенин